

примерно каждый 10-12 представитель молодежи возраста 14 – 18 лет, который является самым проблематичным в плане формирования наркозависимости, не охвачен профилактической работой в отношении употребления наркотиков. Заметим, что это – учащаяся молодежь, охваченная различными формами воспитательно-просветительской работы. 75% из них учатся в общеобразовательной школе и только четверть – в колледже и техникуме. Среди курящих в два с лишним раза больше, чем среди не курящих тех, кто ни от кого не слышал воспитательных бесед о вреде наркотиков (15% и 6,2% соответственно). В 4 раза больше их и среди молодых людей, попробовавших наркотики по сравнению с теми, кто их ни разу не пробовал (33,3% и 8% соответственно). Кроме того с половиной наркозависимых подростков, о пристрастии которых родители не догадываются, никто никогда не вёл бесед о вреде «дурмана». Анализ показывает, что именно эта «непросвещённая» часть молодежи больше других заблуждается в отношении реального вреда наркотических препаратов. Таким образом, группа молодых людей, с которыми никто никогда не говорил об опасности употребления наркотиков – это в первую очередь учащиеся общеобразовательных школ, многие из которых курят и хотя бы раз попробовали наркотики. Большинство из них имеет неверное представление о их вреде. Эти данные подтверждают реальную важность профилактической работы, как с городской, так и с сельской молодежью в отношении употребления наркотиков.

Ольховиков К.М., Ольховикова С.В., г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Типологический подход превалирует в социальном и гуманитарном познании, поскольку даёт ощутимые преимущества при описании комплексных целостностей. Возникающие в результате типологических построений феноменологические конструкции, как повелось со времен Э. Гуссерля, не отменяют наивной точки зрения повседневного жизненного опыта. Но стоит присмотреться к исходным основаниям такого рода оценок, характеристик, рецептов. Насколько оправданы разного рода ярлыки и сочетания эпитетов применительно к такому предмету как человек, а уж тем более – студенчество? Назревающее впечатление примитивных повторов, тавтологичности, внутренней и внешней противоречивости различных оценок, их взаимополемичности, казалось бы, давно утратили свой предмет. Обыденные клише как часть жизненного мира человека все более стремятся к замещению странными техническими символами, что позволяет говорить об инфляции типологических оценок «человеческого». Чтобы не усугублять ситуацию бесплодности и атмосферной разреженности, продемонстрируем актуальные вопросы типологического конструирования применительно к понятию и феномену современного российского студенчества.

1. Современный российский студент не актуален для самого себя. Его социальные статусы вполне независимы от привязки к послешкольному профессиональному образованию. Что вовсе не говорит о профессиональной индифферентности всех российских студентов. Напротив, именно профессионально успешный студент не особенно фиксирован на переживании своей сегодняшней идентичности. Его вполне устраивает идентичность молодости. Студенческая составляющая рынка труда вполне компенсирует разницу карьерных шансов убежденных и ситуативных профессионалов. Проективные имиджевые характеристики любой профессии не несут в себе различия образов жизни, ценностных предпочтений, социальных настроений.

2. Значительная часть специфических характеристик студенчества связана с ростом информационных социальных структур. Действительно, оргтехника сегодня – это не просто более продвинутый вариант хранения, производства и передачи информации, это, прежде всего особый комплекс стилевых характеристик общения. Молодежь стала в значительной степени субъектом изменений стилистического облика современности. Сетевые способы передачи информации стали еще одним измерением человеческого существования, жизненной карьеры личности. Студент по определению тяготеет к использованию различных технологий поиска и обмена информацией. Таковы возможности и нагрузки современной неформальной среды, сопровождающей учебный процесс в вузе.

3. Знаковыми особенностями, отличающими молодежь, обучающуюся на дневных отделениях вузов, от других возрастных и профессиональных групп, стали совершенно особые установки и привычки стиля жизни, связанные с посещениями кафе, клубов, других пространств, создающих возможности для складывания формальных и неформальных тусовок. Отличие российских студентов XXI века в этом отношении весьма заметно выражено не только на фоне советского студенчества (скажем, 80-х годов XX века), но и на фоне российского студенчества 90-х годов XX века. Эти пространства общения не заполнены поисками контркультурных смыслов, не основаны на подлинности («андерграунд»), вполне стабильны в качестве свободного времяпрепровождения. Более того, зачастую именно молодежные тусовки определяют модель свободного времени, потраченного на развлечения.

4. Современное российское студенчество в значительно большей степени экономически активнее своих предшественников. Причиной тому стало развитие рыночной посреднической экономики в крупных российских городах. К тому же, само существование платного образования подталкивает к параллельным поискам работы. Организованные формы экономической активности такие, как стройотряд, «колхоз» воспроизводятся скорее в качестве субкультурных элементов студенческой жизни, нарицательно узнаваемы в качестве автостереотипов студенческой жизни, но не обязательны. Основные мотивы участия студентов в стройотрядовском движении имеют скорее неэкономический характер. Если говорить о студентах управленческих специальностей, то довольно часто к завершению процесса обучения студенты-очники приходят с опытом практической работы, сравнимым с тем, который обычно приобретают студенты-заочники. Безусловно, объемы, значимость, результативность студенческих подработок чрезвычайно индивидуальны. Однако, общая тенденция уже сложилась, работающий студент, в особенности, начиная с 3-го курса – это скорее правило, чем исключение.

5. Наиболее яркие, необратимые изменения типичных особенностей студенческой жизни связаны со смещением границ ключевых этапов социализации. Речь идет о более широком разбросе нижних и верхних возрастных границ ролевой диффузии. При всем разнообразии содержательных причин в каждом индивидуальном случае, когда мы сталкиваемся с «маленькими взрослыми» и «великовозрастными подростками», имеются два принципиальных структурообразующих обстоятельства. Во-первых, происходит удлинение периода достижения целей, отличающих «первый возраст взрослости» (Э. Эрикссон) от собственно подросткового периода социализации. Чем амбициознее цели личности, чем разнообразнее ее компетенции, тем дольше она сохраняет восприимчивую пластичность, в сущности сопоставимую с ролевой подростковой диффузией. Это неопределенность и синкретизм как плата за приобретаемые преимущества роста и саморазвития за счет внешних социальных влияний. Во-вторых, происходит более раннее включение подростков в активные гражданские, экономические, партнерские отноше-

ния. Объективная разница социальных навыков возрастных когорт и поколений сегодня наиболее контрастна на рубежах современного студенчества. Возникает масса поводов и соблазнов быть востребованным в качестве грамотного пользователя оргтехники. Дело не в том, что стало больше «деловых подростков», просто сама стилистика деловой активности сегодня имеет достаточно много признаков своеобразной «кибер-игры». Современный человек меняется, прежде всего, посредством и в лице студенческой молодежи, вырастающей в совершенно новых коммуникативных условиях.

6. В контексте социальной регуляции студенчества, прежде всего, отличается иным набором структурных парадоксов, в целом характеризующих смещение из области инструментальной рациональности в область социально-инструментальной прагматичности. Стил мышления сегодняшнего студента колеблется не между сущим и должным, а между допустимым и возможным. Ценность знаний, компетенций теперь не связана жестко с выбором ситуации, скорее наоборот, подразумевается, что в любой ситуации существует возможность успешного самоприменения. Собственно, не стоит ограничиваться собой, всегда существуют ресурсы воздействия на других людей, с их последующим превращением в соучастников социальной технологии. Естественно, что абсолютное большинство подобных инноваций иррациональны и интуитивны с точки зрения их носителей, но вполне рациональны по своим последствиям для них самих и для других людей. представления о «правильной» трудовой карьере сегодня максимально не механичны, более того, она как таковая все больше воспринимается в качестве «жизненной», а не «трудовой» карьеры. Кризис не является чем-то всеокупающим и устрашающим. Вероятно, основные ресурсы социального страха остались в тех социальных пространствах, которые еще не свободны от идеологического прессинга. И уж во всяком случае, студенческая молодежь в современной России не является психологическим агентом какого-либо идеологического давления. Скорее можно говорить об обратном. Горизонтальность и наивность восприятия многих, ценностных по сути, конфликтов, открывает перед молодыми людьми сегодня совершенно иные диспозиции вызовов и угроз, социальных возможностей и рисков.

7. Отношение к иным возрастным (в том числе, и по преимуществу, по социальным основаниям) группам также составляет беспрецедентную особенность современного российского студенчества. В целом произошло размывание возраста как фактора конфликта поколений. Не то, чтобы толерантность восторжествовала, но просто исчезает сама риторика противостояния «отцов и детей». В основе этих изменений – все та же информационная всеядность в сочетании с наивностью. Происходит своеобразное перетолковывание каких угодно исторических, смысловых, культурных нюансов средствами, которыми молодежь пытается проговаривать саму себя. Сменились исходные критерии достоверности. Убеждения сами по себе теперь никого не восхищают, не имеют точек опоры в качестве фактора взаимопонимания разных и иногда конфликтующих людей, человеческих групп. Таким способом молодежь становится лидером по производству смысловых ассоциаций и контекстов, формирующих частные и публичные мнения, значимые оценки в событиях текущей жизни. Отношение к собственным «преследователям» – подросткам и детям, в целом претерпело меньше изменений. Это вполне понятное распорядительство и высокомерие в отношении младших братьев и сестер, и элемент эгоцентричной ревности, сближающей молодежь и подростков. Так возникает пространство тем, предпочтений, конкуренции, в котором любая молодежная инициатива отделяет себя от «уходящих» поколений, или от таких их представителей, которые уже не испытывают интереса к чему-то принципиально иному стилистически. И не то, чтобы молодежь была склонна преувеличивать степень новизны собственных

культурных изобретений. Напротив, здесь появляется элемент консервативной претензии, за которой вырастает стремление распространять свой опыт социализации на общество в целом. Мир говорит на языке молодежи и студентов все больше там, где шансы традиционного понимания уже почти отсутствуют.

Герцог Г.А., г. Челябинск

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

В современных условиях общественной жизни, когда значительно ослабли социальные факторы закрепления человека в профессии, а его общая активность как субъекта труда существенно возросла, существование проблемы **непрерывного** профессионального самоопределения признается многими исследователями. В связи с этим возрастает теоретическая и практическая актуальность данной темы, особенно той ее части, которая связана с особенностями профессионального самоопределения субъекта труда после выбора профессии и на более поздних этапах его профессионального пути, в том числе после завершения учебы в учреждениях профессионального образования.

При существовании множества методологических подходов к изучению вышеназванной проблемы: **социологического** (В.В.Водзинская, Г.А.Журавлева, И.С.Кон, С.А.Кутель, О.В.Леднева, В.Т.Лисовский, А.В.Меренков, О.М.Никандров, О.В.Падалко, Л.Я.Рубина, Ф.Р.Филиппов и др.); **профориентационного** (Е.И.Головаха, А.Е.Голомшток, Е.А.Климов, Н.С.Пряжников, П.А.Шавир и др.); **жизнедеятельностного** (К.А.Альбуханова-Славская, Л.И.Божович, В.А.Крутецкий и др.); **направления профессионального развития** (В.А.Бодров, Г.А.Герцог, А.В.Железнякова, Э.Ф.Зеер, Г.Н.Соколова, Дж.Сьюпер и др.) - в науке и практике не выработано единого междисциплинарного подхода объяснения понятия «профессиональное самоопределение» и, что не менее важно, единой методологии для построения методов исследования. Это в определенной степени приводит к семантической «разногласице» и механическому переносу закономерностей профессионального самоопределения подростков на другие этапы профессионализации. В работах Е.М.Борисовой, Е.А.Климова, Т.В.Кудрявцева, Г.Н.Соколовой и других авторов неоднократно отмечалось, что профессиональное самоопределение активизируется не только на этапе оптации, но и на более поздних стадиях профессионализации личности. Но одного признания непрерывности процесса профессионального самоопределения, на наш взгляд, недостаточно. Возникает необходимость ответа на вопрос: как влияют на эти процессы психологические особенности, социальные установки реальных и потенциальных субъектов труда, содержание специальности (профессии), приобретаемой в учреждениях профессионального образования, социально-экономическая ситуация, состояние рынка труда в определенный момент и многое другое.

Кроме этого, необходимо помнить, что профессиональное самоопределение человека на этапе завершения обучения в вузе (ссузе, УНПО) всегда связано с проблемой его трудоустройства. В наши дни проблема либерализации системы профессионального образования и трудовых отношений привела к ситуации, когда на рынке труда появляется большое количество молодых специалистов, имеющих профессию (специальность), но не способных адаптироваться к его нуждам. Сегодня выбор места учебы уже не определяет жестко и однозначно дальнейшую перспективу профессиональной карьеры. В результате многократно увеличивается число лиц, которые после окончания уч-